

Межсессионный комитет должен, помимо всего прочего, подготовить доклад о своей собственной работе. Мы серьезно сомневаемся в том, что, учитывая характер функций, которые он будет призван выполнять и осуществлять, этот период будет достаточно длительным как экспериментальный период, чтобы следующая очередная сессия Генеральной Ассамблеи могла вынести суждение относительно полезности и эффективности комитета. Это одна сторона вопроса.

Другая и более серьезная сторона заключается в том, что от имени некоторого числа государств-членов было заявлено, что они не примут участия в работе такого комитета. Создается картина, весьма достойная сожаления как сама по себе, так и вследствие того, что, если такое отношение будет продолжаться, у межсессионного комитета будет очень мало шансов оправдать себя как мероприятие экспериментального характера. Поэтому такое решение и такое заявление со стороны определенных государств-членов заслуживают глубокого сожаления. Следует горячо надеяться, что после принятия решения об учреждении такого комитета будут предприниматься все усилия, чтобы убедить государства-члены, от имени которых было сделано такое заявление, сотрудничать в работе этого комитета, ибо в конечном счете вся задача этой Организации заключается в такой быстрой и эффективной работе при рассмотрении упомянутых мною вопросов, чтобы непрестанно проявлялось все большее доверие к ее деятельности и к ее способности осуществлять эти функции. Отношение, которое было выражено от имени определенных государств-членов и которое они готовы проявить к учреждению этого комитета, не поможет Организации Объединенных Наций завоевывать все возрастающее доверие к ее способности осуществлять свои функции.

С большим сожалением говорилось, что стало уже само собой разумеющимся в отношении определенной группы государств-членов, что если принимается решение, не совпадающее с взглядами, которые они высказали в отношении определенного вопроса во время обсуждения, то они не сотрудничают в деле претворения этого решения в жизнь.

Я не буду настаивать на том, что в отношении всех вопросов и при всех обстоятельствах непреклонная обязанность государств-членов состоит в том, чтобы претворять в жизнь или сотрудничать в претворении в жизнь любого решения, которое может быть принято Генеральной Ассамблеей. Это не является одним из условий членства, но если бы это было одним из таких условий, многие государства сочли бы для себя невозможным стать членами этой Организации.

С другой стороны, если для определенной группы государств стало уже нормой поведения не сотрудничать в том случае, если решение принято вопреки их пожеланиям, то я очень серьезно опасюсь, что существование этой Организации

будет очень недолговременным и весьма бесславным.

Имеется три основных вопроса, с учетом которых было внесено это предложение. Возможно, что Специальный комитет по балканскому вопросу в состоянии функционировать и осуществлять обязательства, для выполнения которых он был создан, хотя такое заявление об отказе сотрудничать и было сделано. Однако, что касается Временной комиссии по вопросу о Корее, то очень сомнительно, что она сможет осуществлять свои функции, учитывая отсутствие сотрудничества со стороны определенных государств. У меня есть еще более серьезные сомнения относительно того, что межсессионный комитет сможет оправдать себя как экспериментальное мероприятие, если все государства не будут сотрудничать в деле достижения им успеха. В конце концов действительно нет никакой опасности ни для этой Организации, ни для одного из государств-членов, если эти государства примут участие в работе этого комитета в течение первого, экспериментального года его существования и убедятся, что функции этого комитета ограничены соответствующими рамками и что в пределах этих рамок он может успешно функционировать.

Несмотря на эти серьезные сомнения, делегация Пакистана намерена голосовать в поддержку предложения, находящегося сейчас на рассмотрении Генеральной Ассамблеи.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Список ораторов по пункту 3 нашей повестки дня закрыт, как это и было решено единогласно. В нем записаны ораторы, которым слово будет предоставлено в следующем порядке: Польша, Белорусская ССР, Франция, Украинская ССР, Югославия, Нидерланды и Египет. Объявляется перерыв до 20 часов.

Заседание закрывается в 18 час. 34 мин.

СТО ОДИННАДЦАТОЕ ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Четверг, 13 ноября 1947 года, 20 час.

Флошинг Медоу, Нью-Йорк

Председатель: г-н О. АРАНЬЯ (Бразилия)

67. Продолжение обсуждения вопроса об учреждении межсессионного комитета Генеральной Ассамблеи

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Слово предоставляется представителю Польши.

Г-н ЛАНГЕ (Польша) (*говорит по-английски*): От имени польской делегации я хочу кратко, именно кратко, изложить мотивы, на основании которых наша делегация намерена голосовать

против резолюции о создании межсессионного комитета Генеральной Ассамблеи¹.

Таких мотива три: во-первых, мы не уверены в политической целесообразности создания такого межсессионного комитета; во-вторых, мы сомневаемся в том, соответствует ли создание такого комитета положениям Устава; и, в-третьих, мы выражаем сомнение в практической полезности такого комитета.

Политические и юридические сомнения, по нашему мнению, тесно связаны друг с другом. И те и другие основываются на том, что принятие предложения о создании межсессионного комитета изменит основную структуру Организации Объединенных Наций. Предусмотренная Уставом структура Организации основывается, с одной стороны, на наличии Совета Безопасности, на который возлагается главная ответственность за поддержание международного мира и безопасности, и, с другой стороны, — на наличии Генеральной Ассамблеи и ряда других органов.

Совет Безопасности является постоянным органом, который функционирует непрерывно. Генеральная Ассамблея, как это предусмотрено статьей 20 Устава, собирается на очередные ежегодные сессии и на такие специальные сессии, которых могут потребовать обстоятельства. Другими словами, она не является постоянно функционирующим органом.

Правда, полномочия Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности в известной степени совпадают. Генеральная Ассамблея вправе обсуждать и давать рекомендации по вопросам, которые также входят в компетенцию Совета Безопасности. С другой стороны, в случае возникновения разногласий или обстановки, угрожающей международному миру и безопасности, государства могут обращаться по выбору или в Генеральную Ассамблею или в Совет Безопасности.

Однако практически выбор зависит от того, что Совет Безопасности заседает постоянно, и вы можете обратиться туда безотлагательно в любое время, тогда как Генеральная Ассамблея собирается только один раз в год или время от времени на специальные сессии, и вы можете обращаться туда только в этих случаях. Это является частью основной структуры Организации.

Если же мы создадим межсессионный комитет с предлагаемыми полномочиями, то мы нарушим эту основную структуру. Поступая таким образом, мы совершим акт, который представляется незаконным с точки зрения Устава, являющегося законом для нашей Организации, потому что Устав не предусматривает возможности превращения Генеральной Ассамблеи в орган, который функционирует постоянно. С другой стороны, я также сомневаюсь в политической целесообразности такого акта, поскольку какими бы ни были намерения различных правительств, предлагающих и поддерживающих идею создания меж-

сессионного комитета, дело заключается в том, что этот межсессионный комитет будет являться конкурирующим с Советом Безопасности органом, который подорвет авторитет и положение Совета Безопасности. Многие делегации совершенно открыто заявили об этом. Другие утверждают, что у них нет подобных намерений. Меня, в сущности, не интересует, каковы их намерения. Известная пословица гласит: «Дорога в ад вымощена благими намерениями».

Меня больше всего интересуют последствия принятия настоящей резолюции. Несомненно, что результатом принятия ее будет создание органа, который будет конкурировать с Советом Безопасности. Имеется это в виду, как считают некоторые делегации, или нет, это не меняет дела.

Изучая предложенную нам резолюцию, хочу в качестве примера привести один пункт из множества других пунктов, на основании которых можно указать несовместимость создания межсессионного комитета с положениями Устава. Сошлюсь на тот факт, что один из пунктов резолюции гласит, что межсессионный комитет может «производить в пределах своего круга ведения расследования и назначать для этого комиссии...». Нам говорят, что этот межсессионный комитет мыслится как вспомогательный орган. Данные ему широкие полномочия, а также тот факт, что любой включаемый в повестку дня Генеральной Ассамблеи вопрос может выноситься также на обсуждение межсессионного комитета, тот факт, что межсессионный комитет не имеет конкретной повестки дня и на его заседания могут выноситься любые вопросы, даже те, которые не обсуждались на Генеральной Ассамблее, — всего этого уже достаточно для того, чтобы убедиться, что мы имеем дело отнюдь не с вспомогательным органом. Однако если на этот счет все еще имеются какие-либо сомнения, тогда только что приведенный мною факт должен явиться еще одним доказательством, а именно: вспомогательные органы есть вспомогательные органы. Впервые в жизни мне пришлось читать, что вспомогательный орган может назначать свои собственные вспомогательные органы, тогда, пожалуй, назначаемые межсессионным комитетом комиссии тоже могут создавать вспомогательные органы и так до бесконечности.

Я полагаю, что уже один тот факт, что межсессионному комитету даются полномочия назначать свои собственные вспомогательные органы, свидетельствует о том, что на деле он задуман не как вспомогательный орган, а как продолжение постоянно действующей Генеральной Ассамблеи. Таким образом, на основании юридического аспекта данного предложения, а также на основании его политической нецелесообразности — нецелесообразности изменения основной структуры Организации Объединенных Наций — мы считаем необходимым выступить против данного предложения.

Некоторые ораторы отрицали, что предполагается какое-либо существенное изменение струк-

¹ См. документ A/454.

туры Организации Объединенных Наций. Утверждалось, что межсессионный комитет призван лишь учреждать те или иные органы в целях технического удобства. Если это так, то я позволю себе спросить: какие вопросы мы намерены включить в повестку дня межсессионного комитета? В Генеральной Ассамблее мы имеем шесть Комитетов, четыре из которых уже завершили свою работу. Предложенные этими комитетами резолюции будут рассмотрены Генеральной Ассамблеей в течение последующих двух-трех дней. Продолжают работу Правовой комитет и Комитет по политическим вопросам и вопросам безопасности. Правовой комитет, насколько мне известно, завершает свою работу примерно через два дня. На повестке дня Комитета по политическим вопросам и вопросам безопасности остаются нерешенными два или три важных вопроса, и он, безусловно, сможет закончить свою работу на будущей неделе. Следовательно, все вопросы повестки дня настоящей сессии Генеральной Ассамблеи будут полностью рассмотрены Комитетами и не позже, чем через неделю, внесены на пленарные заседания.

Итак, какие же вопросы мы хотим включить в повестку дня? Остается один вопрос, который до настоящего времени еще окончательно не решен — это вопрос о Палестине. Разве мы не хотим решить этот вопрос на данной сессии Генеральной Ассамблеи, а собираемся включить его в повестку дня межсессионного комитета и таким образом отложить принятие окончательного решения до следующей сессии Генеральной Ассамблеи? Мне не известны намерения других делегаций, но при всем моем уважении к ним, я со всей настоятельностью советовал бы им выступить против такой постановки вопроса, поскольку я считаю, что все население Палестины, евреи и арабы, в равной степени заинтересовано в немедленном разрешении палестинского вопроса, и нельзя испытывать их терпение еще один год. Если мы не примем такое разумное решение, а у меня нет сомнений, что мы примем его, тогда я действительно не вижу в нашей повестке дня ни одного вопроса, который следовало бы включить в повестку дня межсессионного комитета. А если так, то межсессионный комитет будет открыт для обсуждения новых вопросов, будет открыт, как я уже сказал, в качестве органа, конкурирующего с Советом Безопасности.

Я считаю, что уже тот факт, что в повестке дня данной сессии Генеральной Ассамблеи не остается ни одного нерешенного вопроса, который можно было бы передать межсессионному комитету, свидетельствует о том, что межсессионный комитет не является просто вспомогательным органом настоящей сессии Генеральной Ассамблеи, созданным в целях технического удобства, а что задачи его гораздо шире. За этим предложением кроются политические цели. Эти цели, или, во всяком случае, последствия реализации этого предложения приведут, как я уже сказал, к появлению органа, который будет конкурировать с Советом Безопасности. По этой причине

делегация моей страны не может голосовать за предлагаемую нам резолюцию и будет голосовать против нее.

Мне бы хотелось дополнить свое выступление еще одним замечанием. Сэр Хартли Шоукросс в своем сегодняшнем выступлении на вечернем заседании упомянул группу государств, которые, как он выразился, по странному совпадению голосовали против данной резолюции. Я представляю государство, принадлежащее к этой группе. Если бы сэр Хартли Шоукросс более внимательно следил за ходом обсуждения и познакомился бы, как голосовала наша группа в прошлом году, он несколько иначе сформулировал бы свое заявление и сказал бы, что мы подобным образом голосуем по всем основным вопросам. Это именно так, и мне бы хотелось объяснить, чем вызвано то странное совпадение, что при решении всех важнейших вопросов мы голосуем одинаково.

Все мы уважаем большой юридический талант сэра Хартли Шоукросса, однако если бы к своему юридическому таланту он добавил понимание исторических фактов, он без труда установил бы, чем вызвано такое странное совпадение. Оно объясняется тем, что в ходе последней войны все наши государства стали жертвами немецкого нашествия и немецкой оккупации и что нацисты ни в одной части мира и ни в одной другой части Европы не проявляли столько жестокости и варварства, как в наших странах. Именно это общее испытание и является причиной странного совпадения, о котором говорил сэр Хартли Шоукросс. Это общее испытание привело нас к общему убеждению, что подобная война, подобное вторжение и подобная оккупация, еще совсем недавно принесшие столько страданий нашим народам, никогда не должны повториться.

Из всего вышесказанного следует одно: чтобы сохранить мир во всем мире, необходимо всеобщее взаимопонимание и договоренность. Поэтому Организация Объединенных Наций должна стать организацией, целью которой является достижение взаимопонимания; мы не должны допустить, чтобы Организация Объединенных Наций утратила это свое назначение и в руках определенных держав превратилась в орудие проведения политики, направленной против другой державы.

Именно такое общее понимание привело нас к тому, что ряд наших государств одинаково относится ко всем попыткам подорвать или обойти принцип единогласия великих держав, принцип, который является краеугольным камнем Организации Объединенных Наций.

Мы считаем, что вынесенная на обсуждение Генеральной Ассамблеи резолюция является попыткой обойти этот принцип. По этой причине делегация моей страны будет возражать против этой резолюции.

Некоторым представителям может не понравиться такая постановка вопроса, но я уверен, что если моя делегация и другие согласные с нами

делегации выступают и решительно поддержат принцип рассмотрения Организации Объединенных Наций как организации, призванной обеспечить достижение договоренности, а не как организации, которая используется одной державой против другой, и если мы выступим в защиту принципа единогласия великих держав и будем ревностно оберегать его от всякого рода посягательств, прямых или косвенных, то я уверен, что в конечном счете народы, которые представляет здесь сэр Хартли Шоукросс и другие делегаты, будут нам благодарны.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Слово предоставляется представителю Белорусской Советской Социалистической Республики.

Г-н КИСЕЛЕВ (Белорусская Советская Социалистическая Республика): Я уже имел возможность подробно изложить нашу точку зрения по этому вопросу в Первом комитете. Поэтому здесь я буду очень краток.

Первый комитет большинством голосов принял резолюцию о создании межсессионного комитета. Она предложена сегодня на утверждение Генеральной Ассамблеи.

Делегация Белорусской ССР считает своим долгом заявить здесь, что создание такого комитета является неконституционным актом и является прямым нарушением Устава Организации Объединенных Наций. Создание межсессионного комитета с такими широкими полномочиями, как это предусмотрено в резолюции, ведет к подмене функций Совета Безопасности, в котором действует принцип единогласия пяти великих держав при решении важнейших вопросов мира и который согласно статье 24 Устава несет главную ответственность за поддержание мира и безопасности».

Для того, чтобы обойти Совет Безопасности, а вместе с ним и принцип единогласия или вето, делегацией Соединенных Штатов Америки и был внесен проект резолюции о создании межсессионного комитета с участием в его работе представителей всех 57 государств.

Вновь создаваемый комитет, в котором решение будет приниматься двумя третями голосов, превратится в орган блоков одних государств против других, в орган навязывания воли одних государств другим государствам. Принятие Ассамблеей данной резолюции нанесет серьезный ущерб и урон делу Организации Объединенных Наций и ослабит борьбу за мир и безопасность народов.

Мы не можем становиться на этот весьма опасный путь для жизни нашей Организации. Делегация Белорусской ССР заявляет, что по изложенным выше мотивам она не будет принимать участия в работе межсессионного комитета.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Слово предоставляется представителю Франции.

Г-н ПАРОДИ (Франция) (*говорит по-фран-*

цузски): Собственно говоря, я не собирался выступать по данному вопросу; однако представитель СССР в своем выступлении на сегодняшнем дневном заседании весьма вольно истолковывал некоторые положения из моего выступления в Первом комитете. Я считаю, что в данном случае мне лучше самому изложить точку зрения моей делегации.

Совершенно верно, что в начале прений в Первом комитете я сделал некоторые оговорки, главным образом касающиеся законности выдвинутого предложения. Одна из оговорок заключается в следующем: учитывая тот факт, что предложенный проект основывается на статье 22 Устава, в соответствии с которой Генеральная Ассамблея имеет право создавать вспомогательные органы, я заявил, что считаю необходимым, чтобы созданный Первым комитетом подкомитет тщательно изучил вопрос, действительно ли межсессионный комитет является вспомогательным органом. Эта задача, в решении которой я имел честь принимать участие, была добросовестно выполнена подкомитетом.

В соответствии с предложенной нам здесь резолюцией межсессионный комитет предстает как орган, который полностью подходит под определение вспомогательного органа. Правда, в Уставе нет объяснения этого термина, но мне кажется, что не так уж трудно решить, что включает в себя понятие «вспомогательный орган». Первым условием следует считать, что межсессионный комитет не должен пользоваться более широкими юридическими правами, нежели сама Генеральная Ассамблея. Я думаю, что это само собой разумеется.

Здесь несколько раз упоминались положения статьи 24 Устава, в соответствии с которой главная ответственность за решение вопросов международного мира и безопасности возлагается на Совет Безопасности. На статью 35 Устава ссылаются значительно реже, и, как правило, ее постоянно игнорируют те, кто возражает против данного предложения. Однако я должен признать, что на сегодняшнем дневном и вечернем заседаниях имели место ссылки и на эту статью.

Статьей 35 Устава предусматриваются равные права между Генеральной Ассамблеей и Советом Безопасности в решении вопросов, относящихся к обеспечению мира и безопасности. Следовательно, Генеральная Ассамблея вполне имеет право поручать решение данных вопросов подчиненному ей органу.

Сущность вспомогательного органа определяется характером возложенных на него полномочий. Возлагаемые на межсессионный комитет полномочия, как это явствует из лежащего перед нами текста, крайне ограничены. Этот комитет является чисто подготовительным органом, который не может самостоятельно давать рекомендации государствам—членам Организации Объединенных Наций или даже Совету Безопасности. Межсессионный комитет может только

представлять доклады на рассмотрение Генеральной Ассамблеи. Несомненно, что эти доклады, как и все хорошие доклады, должны иметь практическую ценность и могут содержать определенные выводы; однако я не думаю, что это в какой-то степени влияет на чисто подготовительный характер функций данного органа.

Остается только один пункт, который может вызвать некоторые сомнения: я имею в виду данное межсессионному комитету право проводить расследование. Вполне естественно, что подготовительный орган, в обязанности которого входит готовить работу Генеральной Ассамблеи, должен иметь возможность проводить необходимые расследования. Верно также и то, что эти расследования могут касаться государств, которые не согласны с их проведением, и в данном случае само проведение таких расследований включает в себя в известной степени право принятия решений.

В лежащем перед вами тексте в этом отношении предусматриваются меры предосторожности. Межсессионный комитет не может принять решение о проведении расследования без согласия правительств государств, на территории которых должно проводиться это расследование. Во всяком случае, в результате обсуждений стало ясно, что полномочия комитета в этом отношении состоят только в том, что он может давать рекомендации, с которыми привлеченные к участию в расследовании правительства, даже если расследование и не проводится на их территории, могут не согласиться. Итак, нет сомнений, что данные межсессионному комитету полномочия на проведение расследования не меняют его характера как исключительно подготовительного органа.

Деликатным вопросом является отношение межсессионного комитета к функциям, непосредственно принадлежащим Совету Безопасности. В предлагаемом тексте предусмотрены уже знакомые вам связанные с этим меры предосторожности. Они состоят в том, что Совету Безопасности предоставляется право самому принимать окончательное решение, в чем практически должна заключаться работа межсессионного комитета. Я имею в виду, что Совет Безопасности, приняв решение рассмотреть тот или иной вопрос, всегда может изъять его из сферы полномочий межсессионного комитета. Как вам известно, каждый член Совета Безопасности имеет право требовать включения любого вопроса в повестку дня.

Нет оснований полагать, что Совет Безопасности в случае возникновения вопроса, входящего в его компетенцию и касающегося поддержания международного мира и безопасности, откажется от его рассмотрения. Следовательно, гарантии в этом отношении особенно прочны.

Второй способ, при помощи которого Совет Безопасности может ограничить полномочия межсессионного комитета и его роль,— это принимать решения по всем вопросам, стоящим на

повестке дня Совета Безопасности. В этом, пожалуй, вся суть дела.

Я не помню, чтобы на протяжении почти двухлетней деятельности Совета Безопасности какая-либо другая делегация прилагала больше усилий, чем французская делегация, к тому, чтобы найти в каждом случае самое объективное решение, приемлемое для всех членов Совета Безопасности. К сожалению, мы добились незначительных успехов. Я лично часто испытываю чувство глубокого беспокойства, когда вижу непреклонность в некоторых мнениях и когда некоторые делегации кажутся настолько связанными в своей работе строгими указаниями, что представляется бесполезным пытаться найти компромиссное решение. Международные встречи бесполезны, если одна из сторон не готова идти на уступки и не хочет хотя бы частично удовлетворить требования другой.

Особенно наглядный пример тому мы имели в Первом комитете Генеральной Ассамблеи несколько дней тому назад. Была предложена жесткая резолюция в отношении известного правительства, причем жесткость резолюции казалась оправданной. Принятие резолюции было отложено потому, что одна делегация сочла ее недостаточно жесткой и, таким образом, окончательный результат был совсем не тот, который можно было бы ожидать.

Поэтому, по нашему мнению, от Совета Безопасности зависит, ограничит ли он деятельность межсессионного комитета или нет, изменив свои собственные методы работы.

Будет справедливым добавить, что за период, прошедший с момента последней сессии Ассамблеи, в деятельности Совета Безопасности достигнут значительный прогресс. Как известно, принято решение — разрешите мне напомнить, что на прошлогодней сессии Генеральной Ассамблеи я выдвинул данное предложение, — что член Совета Безопасности может воздерживаться от голосования, и это не будет считаться применением права вето.

Это, действительно, шаг вперед. Было бы, конечно, несправедливо не принимать это во внимание и не напомнить, что заслуга в этом принадлежит делегации СССР.

Мне кажется, что Совет Безопасности должен добиваться дальнейшего прогресса в этом направлении путем аналогичных изменений в нашей практической деятельности.

В заключение я выражаю надежду, что Совет Безопасности достигнет в этом направлении таких результатов, что работа межсессионного комитета окажется практически излишней; это будет, в конечном счете, наибольшим успехом, которого может достичь предлагаемая нам резолюция.

Итак, мы считаем, что учреждение межсессионного комитета, так, как это излагается в тексте предлагаемой Ассамблее резолюции, не про-

тиворечит Уставу. Мы считаем, что создание данного комитета является своего рода экспериментом — и мы приемлем его как таковой, — экспериментом, который приведет или не приведет к удовлетворительному результату, в зависимости от того, насколько мудрой будет его деятельность. Делегация Франции со своей стороны сделает все возможное, чтобы работа межсессионного комитета была как можно более эффективной.

И, наконец, мы считаем, что ограничение компетенции и роли межсессионного комитета зависит от Совета Безопасности и от того, как он будет выполнять свои функции. Именно по таким соображениям французская делегация будет голосовать за предлагаемую резолюцию.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Слово предоставляется представителю Украинской Советской Социалистической Республики.

Г-н МАНУИЛЬСКИЙ (Украинская Советская Социалистическая Республика): До Генеральной Ассамблеи этот вопрос весьма тщательно обсуждался в Комитете по политическим вопросам и вопросам безопасности, и я бы не стал выступать и отнимать время у Генеральной Ассамблеи, если бы здесь не были сделаны некоторые заявления, требующие того, чтобы на них остановиться. Я хотел избежать полемики, но скажу откровенно, что делегация Украинской ССР была глубоко огорчена сделанными здесь сэром Хартли Шоукроссом замечаниями и его легкомысленным отношением к такому важному вопросу, каким является вопрос о создании межсессионного комитета, к вопросу, от окончательного решения которого, как мы все понимаем, зависит будущее Организации Объединенных Наций.

Сэр Хартли Шоукросс увлекся адвокатской трескотней. Представителю СССР он задал такой вопрос: готов ли представитель СССР признать право Международного Суда, решить, является ли создание межсессионного комитета нарушением Устава Организации Объединенных Наций? Сэр Хартли Шоукросс и раньше задавал этот вопрос. Он задавал его в Комитете по политическим вопросам и вопросам безопасности и получал исчерпывающий ответ. Однако, желая, очевидно, завоевать успех у публики, он задает его снова, рассчитывая поставить делегацию СССР в затруднительное положение. Сейчас я хочу ответить на этот вопрос.

Если сэр Хартли Шоукросс познакомился со статьей 36 Статута Международного Суда, в которой изложены полномочия Международного Суда, то он увидит, что в ней речь идет о юрисдикции Суда по всем правовым спорам, касающимся: а) толкования договора; б) любого вопроса международного права; в) наличия факта, который, если он будет установлен, представит собой нарушение международного обязательства; д) характера и размеров возмещения, причитающегося за нарушение международного обязательства. Таковы четыре пункта, которые содержатся в этой статье.

Я хочу спросить сэра Хартли Шоукросса: есть ли в этой статье какой-либо пункт, позволяющий считать, что Международный Суд отвечает за толкование Устава ООН? Этого нет и не может быть, ибо Международный Суд является органом Организации Объединенных Наций и Организация Объединенных Наций, представленная Советом Безопасности и Генеральной Ассамблеей, стоит над ним. С этой точки зрения Международный Суд ни в коей мере не является компетентным. Суд разрешает спорные вопросы, которые могут возникнуть между двумя сторонами, и Устав предусматривает, что если обе стороны согласны признать решение Международного Суда, то такие решения являются для них обязательными. Сэр Хартли Шоукросс, однако, желает превратить Организацию Объединенных Наций в своего рода ответчика, который вынужден обращаться в суд всякий раз, когда возникает вопрос о толковании Устава. Толкование Устава является делом Организации Объединенных Наций, Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности.

Разрешите перейти к существу вопроса. Бойкая речь сэра Хартли Шоукросса и его небрежное отношение к вопросу повестки дня кажутся довольно неуместными. Факт остается фактом; и этот факт бесспорен. Когда в Комитете по политическим вопросам и вопросам безопасности обсуждался вопрос об учреждении межсессионного комитета, то шесть делегаций заявили, что они не будут принимать участие в работе такого комитета. Во-первых, в число этих шести делегаций входил СССР, который объединяет 197 национальностей и народностей, говорящих на различных языках, то есть значительно большее количество наций, чем то, что представлено в Организации Объединенных Наций. Во-вторых, в число этих делегаций входят пять государств, которые вместе с СССР представляют 260-миллионное население Восточной Европы. При серьезном отношении к обсуждаемой проблеме и к возможным последствиям такого мероприятия у каждого должен возникнуть вопрос, почему представители 260-миллионного населения Восточной Европы так категорически и последовательно возражают против создания межсессионного комитета. Элементарная честность, честность, которой требует сотрудничество, должна была бы заставить большинство присутствующих здесь задать себе вопрос: почему предпринимаются попытки представить делегацию СССР как делегацию талмудистов, придерживающихся только буквы Устава? Мы не талмудисты и не последователи политики, основывающейся на принципах Игнатия Лойолы.

Мы считаем, что стоящий перед нами вопрос является очень серьезным вопросом, от решения которого зависит существование Организации Объединенных Наций. Почему мы отказываемся принимать участие в работе межсессионного комитета? Что это — упрямство, упорство или талмудизм? Нет. Мы готовы работать во всех органах, при условии, что они учреждены в соответствии с Уставом Организации Объединенных На-

ций; но если орган учреждается в нарушение Устава Организации Объединенных Наций, не просите нас его поддерживать.

Сэр Хартли Шоукросс выдвинул очень интересный аргумент. Он сказал: вы принимаете только те рекомендации, которые вам нравятся, и отказываетесь принимать те, которые вам не нравятся. Это неправда. Мы принимаем все обязательства и все рекомендации и будем поступать так и впредь, ибо мы взяли на себя такие обязательства в Сан-Франциско, однако мы будем принимать только те обязательства и рекомендации, которые соответствуют букве и духу Устава Организации Объединенных Наций. И мы не будем поддерживать рекомендации, которые нарушают Устав Организации Объединенных Наций. Таков наш ответ.

А сейчас давайте ознакомимся с поведением тех, кто упрекает нас в пристрастном подходе к Организации Объединенных Наций.

Вчера на заседании Первого комитета во время обсуждения испанского вопроса я сгорал со стыда, слушая выступления некоторых ораторов, оправдывавших фашистский режим и по существу отклонявших рекомендации Генеральной Ассамблеи. На этом заседании ни сэр Хартли Шоукросс, ни представитель делегации Соединенных Штатов Америки не встали и не заявили: «Довольно,—мы собрались здесь, чтобы соблюдать Устав Организации Объединенных Наций; мы собрались здесь, чтобы соблюдать рекомендации Генеральной Ассамблеи». Наоборот, представитель Соединенных Штатов защищал такие выступления. Мне не известно, присутствовал ли на нашем заседании кто-нибудь из представителей испанских республиканцев, однако я должен сказать, что мне, представителю одного из государств—членов Организации Объединенных Наций, было стыдно, ибо нам всем известно, что мы находимся в долгу перед испанским народом, который в течение двух лет один выносил тяжесть ударов фашистской военной машины.

А сейчас находятся люди, которые, оказав поддержку тем, кто нарушает рекомендации Генеральной Ассамблеи, выступают и читают нам лекции о наших обязанностях. Мы выполняем все рекомендации, которые соответствуют духу Устава.

Сейчас разрешите мне перейти к самой рекомендации. Стоящий перед нами вопрос имеет давнюю историю; этот вопрос возник не сегодня. С момента конференции в Сан-Франциско, где мы подписали Устав Организации Объединенных Наций, в течение ряда лет со всех сторон предпринимаются попытки под тем или иным предлогом подорвать принцип единогласия великих держав, то есть принцип, представляющий собой минимальную гарантию для меньшинства, когда речь идет о защите ими своих интересов.

Когда мы стали членами Организации Объединенных Наций, мы знали, что присоединяемся к организации, в которой большинство будет

против нас; мы знали, что большинство на стороне англо-американского блока. Тем не менее мы присоединились к Организации Объединенных Наций. Я скажу больше. СССР имеет один голос, а Украина и Белоруссия вместе имеют два голоса. Однако наше государство состоит из шестнадцати республик, из которых три—Литва, Латвия и Эстония—являлись членами Лиги Наций. Их сюда не допустили. Мы смирились с этим. Мы хотели сотрудничать.

Однако после того как мы подписали Устав Организации Объединенных Наций, буквально на следующий же день, когда не успели еще просохнуть чернила, начались нападки на Устав. Это не могло не вызвать тревогу у всех сторонников мира и безопасности народов. Такие нападки повторялись на каждой сессии Генеральной Ассамблеи, на каждом ее заседании. Вспомним хотя бы Лондон. Вопрос о пересмотре так называемого права так называемого вето был поднят даже в Лондоне. Затем в прошлом году во время второй части первой сессии Генеральной Ассамблеи Куба представила на рассмотрение предложение о пересмотре статьи 27. А затем Австралия внесла предложение о созыве конференции. Мы решительно возражали против этого. Тем не менее Австралия пыталась отыскать какие-то конституционные формулы.

Что же происходит сейчас? После всех стараний предпринимается попытка изменить Устав под предлогом технической необходимости, так сказать, под предлогом улучшения деятельности механизма Организации Объединенных Наций. Однако к чему же ведет это улучшение? Оно уже привело к тому, что Организация Объединенных Наций в настоящее время раскололась на две части. Шесть государств не поддерживают межсессионный комитет. Это первый результат технического «улучшения» деятельности механизма Организации Объединенных Наций.

Прошу вас подумать над этим и не удовлетворяться только тем, о чем так спокойно, я бы даже сказал—благочестиво, сказал г-н Даллес. Все это г-н Даллес скрыл под вуалью благополучия и невинности. Однако намерения г-на Даллеса были нечаянно раскрыты сэром Хартли Шоукроссом и г-ном Эваттом, которые поставили все точки над «и».

Все наши наихудшие опасения, которые до сих пор заставляли нас голосовать против данного предложения, подтвердились, особенно после выступлений сэра Хартли Шоукросса и г-на Эватта. Оба они откровенно заявили, что Совет Безопасности парализован и что поэтому нам следует, в обход Совета Безопасности, все вопросы, подлежащие рассмотрению в Совете Безопасности, выносить на рассмотрение Генеральной Ассамблеи. Вот как сейчас обстоят дела. Совершенно ясно, что такая постановка вопроса неправомерна. Она раскрывает план, который состоит прежде всего в создании дымовой завесы вокруг парализованной Организации Объединенных Наций и вокруг парализованного Совета

Безопасности. Однако в чем причина паралича работы Совета Безопасности, если вообще можно говорить о параличе его работы? Причина, почему Организация Объединенных Наций парализована, заключается в том, что производятся постоянные нападки на Устав, что изо дня в день Устав Организации Объединенных Наций нарушается в отношении малых стран и народов колоний, в отношении его структуры. Причина, почему парализована Организация Объединенных Наций — я говорю откровенно и искренне — в том, что одно или два государства пытаются превратить Организацию Объединенных Наций в орудие своей внешней политики.

На первом заседании Генеральной Ассамблеи делегация Украинской ССР заявила, что она опасается, как бы этот межсессионный комитет не превратился в филиал государственного департамента Соединенных Штатов Америки. К сожалению, до сих пор, после целого ряда выступлений, украинская делегация вынуждена придерживаться того же мнения. Нам говорят, что так и должно быть, что это вспомогательный орган. Но что же это за вспомогательный орган, если на него возлагаются функции Генеральной Ассамблеи, не говоря уже о том, что он наделен полномочиями вторгаться в функции Совета Безопасности? Почему? Потому что достаточно будет Совету Безопасности, где англо-американский блок имеет большинство, применив статью 12, принять решение о передаче какого-либо вопроса «Малой Ассамблее», или межсессионному комитету, как этот вопрос будет автоматически туда передан, и этот комитет будет являться высшей инстанцией. Этот так называемый межсессионный комитет будет стоять над Советом Безопасности. Вот в чем существо вопроса.

Какой же это вспомогательный орган, если он заседает круглый год, тогда как Генеральная Ассамблея заседает только полтора месяца? Не получится ли наоборот, что Генеральная Ассамблея превратится во вспомогательный орган этого постоянно заседающего «Долгого парламента», который нам известен из истории Англии?

Поэтому мы не можем рассматривать данное учреждение в качестве вспомогательного органа. Более того, представьте себе на минуту, что в какой-то стране вследствие того, что там в парламенте существуют группировки и политические партии, парализующие друг друга, один из депутатов выдвинул предложение учредить вспомогательный орган, который состоял бы из такого же количества чередующихся заместителей, сколько в стране насчитывается избирательных округов, и назвать его вспомогательным органом. Я убежден, что такое предложение было бы высмеяно, а его автор, подвергся бы, вероятно, освидетельствованию психиатра. Однако здесь, когда мы рассматриваем более сложное дело, где сталкиваются интересы не отдельных групп населения, а целых государств, здесь с необычайной легкостью выносятся решения об учреждении подобного органа из представителей всех

государств, и этот орган находят уместным называть вспомогательным органом.

Нам говорят здесь о том, что существует закон равновесия и компенсации, как его назвал г-н Даллес. Я откровенно скажу г-ну Даллесу, что это не закон равновесия и не закон компенсации; это закон дезорганизации Организации Объединенных Наций.

Вы имеете здесь большинство. Вы можете принять по своему усмотрению любое решение. Мы возражали против этого решения до самой последней минуты, мы возражаем против него и сейчас, отдавая себе полный отчет в величайшей ответственности, которую повлечет за собой наше решение. Когда мы подписывали Устав в Сан-Франциско, мы понимали, что Устав накладывает на нас определенные обязательства, серьезные обязательства. Нам было также известно, что он обеспечивает нам определенный минимум прав.

Вы можете проголосовать и принять любое решение, какое вы хотите. Но подумайте о завтрашнем дне. Политические лидеры не могут жить только сегодняшним днем; политические лидеры должны также смотреть в будущее. Не всегда большинство оказывается правым. Был прав Галилей, а не осуждавшие его приверженцы учения Птоломея. Лига Наций была не права, когда она, несмотря на наше предостережение о том, что немецкий фашизм готовится к войне, и когда мы говорили о том, что мир неделаем, считала, что ей удастся повернуть фашистскую агрессию на восток. Именно мы были правы, хотя мы и были тогда в меньшинстве. Мы могли бы привести здесь огромное количество примеров подобного рода. Я призываю вас подумать о последствиях, прежде чем вы примете решение по этому вопросу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Слово предоставляется представителю Югославии.

Г-н БЕБЛЕР (Югославия) (*говорит по-французски*): О проблеме «Малой Ассамблеи» уже так много говорилось, что я ограничусь только некоторыми замечаниями.

В прошлом году мы были свидетелями прямых нападков на статью 27 Устава Организации Объединенных Наций, или другими словами — на принцип единогласия великих держав. В этом году мы являемся свидетелями некоего маневра «просачивания». Я называю это маневром «просачивания», поскольку речь здесь идет о сфере действия статьи 27, то есть о принципе единогласия, где большинство просто не может навязывать свою волю.

После провала прошлогодней попытки нарушить неприкосновенность принципа единогласия сейчас предпринимаются новые попытки проникнуть в эту область со всех сторон посредством маневра «Малой Ассамблеи».

Делается попытка проникнуть в область, где действует принцип единогласия, с тем чтобы изъ-

ять, где это возможно, из компетенции Совета Безопасности вопросы, которые могут и должны им решаться, а также оккупировать при помощи «Малой Ассамблеи» часть территории этого заклятого врага, статьи 27.

Вначале в Первом комитете старались убедить представителей в том, что предлагаемая реформа находится в полном соответствии с Уставом. У меня создается впечатление, что в ходе сегодняшнего обсуждения очень мало было сказано о законности предлагаемой реформы. Слабые попытки доказать обратное тому, что было совершенно ясно для всех представителей, были оставлены. Была предпринята попытка убедить нас с помощью политических аргументов. О принципе большинства говорилось как о демократическом принципе, как об основополагающем принципе демократии, с целью убедить, что большинство всегда демократично.

Вам известно, однако, что, например, за Гитлером последовало большинство немецкого народа; но этого недостаточно, чтобы считать его демократом.

Предпринимались попытки убедить нас, что большинству присуща монополия разума, что большинство является выражением всего наиболее разумного и наиболее интеллектуального в народе.

Я мог бы привести сколько угодно примеров, но я остановлюсь только на одном, касающемся моей страны. Я хочу остановиться на греческом деле, на греческом вопросе, как мы называли его в Первом комитете и на пленарных заседаниях Ассамблеи.

Это дело было ясно для каждого. Речь шла о вооруженной интервенции в малую страну. И вот, большинство приняло решение, что разумно допустить продолжение интервенции и бросить обвинение на соседей этой малой страны, которая явилась жертвой иностранной интервенции.

Таково было решение большинства. Было ли это решение разумным? Было ли это решение демократичным? Было ли это этичным? Я спрашиваю это у сэра Хартли Шоукросса, который говорил сегодня об этике большинства.

Выйдя из зала после этих ужасных обсуждений в Первом комитете, я встретил в кулуарах представителя большинства, который сказал мне: «Зачем вы так усердствовали, пытаясь убедить нас? Мы уже были убеждены. Мы знали, что вы правы, однако мы голосовали против вас по другим причинам». Другой представитель большинства—он присутствует в этом зале—недавно сказал мне по поводу другого бурно обсуждавшегося в Первом комитете вопроса: «У вас аргументы, а у нас голоса». Вот вам этика большинства, вот вам его разум и демократический дух.

Очень часто выдвигают другой аргумент — аргумент о параличе деятельности Совета Безопасности. В Первом комитете г-н Даллес привел даже физиологическое сравнение с двумя руками

тела, одной из которых приходится больше работать, если другая слаба или парализована.

Для примера возьмем опять греческий вопрос. Совет Безопасности занимался этим вопросом более года. Никакого решения принято не было. Ассамблея, с другой стороны, приняла резолюцию. Неужели вы думаете, что принятая большинством голосов резолюция является решением греческой проблемы? Неужели вы серьезно полагаете, что греческий вопрос с этого момента перестает существовать?

Загляните в газеты. Судя по ежедневным сообщениям американских газет, греческий вопрос до сих пор существует и продолжает осложняться. Вот, что писала «Нью-Йорк таймс» вчера:

«В то же время национальные чувства ущемляются вмешательством, каковым является сама деятельность миссии. Со стороны правых раздаются голоса об оскорблении национального достоинства и выдвигаются предположения, что на самом деле миссия не заинтересована в окончании гражданской войны, а просто желает раздуть пламя»².

Эта же газета, в той же статье, говоря о миссии г-на Дуайта П. Грисвольда, пишет:

«Миссия всегда встречала враждебное отношение со стороны крайних левых — коммунистов. Теперь она добилась враждебного к себе отношения со стороны большинства деловых кругов, особенно со стороны наиболее процветающих слоев греческого общества, импортеров, а также наиболее рьяных монархистов и крайне правых националистов»³.

Таким образом, вы видите, что весь народ, начиная с людей левых убеждений и кончая людьми правых убеждений, выступает против иностранной интервенции. А интервенция все же существует, несмотря на вашу резолюцию. Ваша резолюция ничего не сделала, чтобы улучшить обстановку в Греции. Она только ухудшила ее.

В Первом комитете я уже говорил о том, что, как только ваша резолюция была принята, на греческих демократов немедленно обрушилась лавина смертных приговоров. Я поздравляю большинство с проявлением разума, демократического духа и справедливости; я поздравляю его с последствиями, которые мы могли бы предвидеть и которые мы действительно предвидели.

Но после всего этого не поднимайтесь на трибуну и не говорите нам, что большинство в состоянии сделать что-либо хорошее, когда дух этого большинства нехорош, когда этот дух не демократичен, когда этот дух не миролюбив, когда это не дух гуманности, а просто дух великой и могущественной страны, интересам которой в силу особых исторических условий служит большинство во всех органах Организации Объединенных Наций: в Генеральной Ассамблее, в Со-

² Оригинал на английском языке.

³ Оригинал на английском языке.

вете Безопасности, в Экономическом и Социальном Совете—езде. Именно благодаря этому духу все ваши решения не приносят пользы историческому развитию; это большинство делает бесцельными все органы Организации Объединенных Наций.

Джентльмены, мы в заколдованном кругу. Исторические условия, а именно определенная экономическая зависимость малых стран от большой страны, богатой и мощной, обеспечивают этой стране большинство в нашей Организации; это большинство принимает резолюции, которые отвечают интересам этой мощной державы, усиливая таким образом свою собственную зависимость от этой великой страны. Перед вами стоит выбор — попытаться выйти из этого заколдованного круга или оставаться в нем.

Откровенно говоря, таково положение вещей, и об этом пишет американская пресса. Я сошлюсь на самую большую газету страны, в которой мы находимся и в которой работаем. Я процитирую сообщение газеты «Нью-Йорк таймс» от 20 октября:

«Американские источники признали, что Соединенные Штаты передали решение палестинского вопроса в основном на усмотрение каждой отдельной страны. Соединенные Штаты очень ясно дают понять, что они уделяют огромное значение принятию своей резолюции о создании «Малой Ассамблеи» и Балканской пограничной комиссии, но в отношении Палестины считают, что это должно быть решением Организации Объединенных Наций, а не решением Соединенных Штатов Америки».

Итак, существует разница между одними решениями и другими: есть решения, которые нью-йоркская пресса называет решениями Организации Объединенных Наций, и есть решения, которые она называет решениями Соединенных Штатов. Сегодня вам предстоит сделать этот выбор при решении одного из важнейших вопросов, определяющих будущее нашей Организации. Если вы хотите решения Соединенных Штатов—голосуйте за «Малую Ассамблею». Если вы хотите решения Организации Объединенных Наций — голосуйте против.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Слово предоставляется представителю Нидерландов.

Г-н САССЕН (Нидерланды) (*говорит по-английски*): Моя делегация не намерена повторять то, что было сказано представителем Нидерландов в Первом комитете⁴, или то, о чем так убедительно говорилось на данной Ассамблее представителями Соединенных Штатов, Австралии, Соединенного Королевства, Пакистана и Франции в отношении законности и целесообразности создания межсессионного комитета.

В документах записано, что еще в 1945 году

делегация Нидерландов придерживалась этой точки зрения, что учреждение такого вспомогательного органа является юридически возможным и политически целесообразным. Однако в 1945 году целый ряд других делегаций считали, что создание такого органа было слишком преждевременным, поскольку не имелось никакого опыта деятельности Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности. Учитывая это, мы понимали, что не можем получить большинства, что и послужило единственной причиной для снятия нашего предложения. Мы не считали и не считаем теперь, что это предложение было два года назад преждевременным, и мы отказались от своей идеи совсем не потому, что считали, что она нарушает Устав Организации Объединенных Наций.

Что касается того, что было сказано представителем СССР на сегодняшнем дневном заседании, то мне не известно, понизился ли за последнее время, то есть с 1945 года, умственный уровень представителей одних делегаций и повысился ли он у представителей других делегаций. Мы, во всяком случае, остаемся в этом отношении на прежнем уровне своего умственного развития. У нас не было и нет никаких других мотивов при поддержке предложения о создании такого вспомогательного органа, кроме желания как можно лучше обеспечить Генеральную Ассамблею всем необходимым для выполнения ею своих обязанностей и функций. Нам не ясно, почему лучше организованная Генеральная Ассамблея может представлять угрозу для позиций Совета Безопасности или ущемлять его престиж. Если же согласиться с этим, то нельзя не согласиться и с тем, что отсутствие единогласия в будущем будет по-прежнему причинять вред работе Совета. Однако ни Генеральная Ассамблея, ни межсессионный комитет не располагают и не будут располагать властью, которая могла бы уничтожить принцип единогласия в Совете Безопасности. Эта власть находится исключительно в руках тех, кто пользуется так называемым правом вето.

Лучшая организация Генеральной Ассамблеи никоим образом не мешает Совету Безопасности выполнять его обязанности и функции.

Представитель Украинской Советской Социалистической Республики заявил, что Международный Суд не правомочен решать, противоречит или не противоречит данная резолюция положениям Устава. Я не буду говорить о значении статьи 36 Статута Международного Суда, однако я прошу обратить внимание на статью 65, которая гласит: «Суд может давать консультативные заключения по любому юридическому вопросу, по запросу любого учреждения, уполномоченного делать такие запросы самим Уставом Организации Объединенных Наций или согласно этому Уставу». Предложено было следующее: просить Суд изложить свое консультативное заключение. Нет никакого сомнения, что это юридически возможно и полностью соответствует Статуту Международного Суда.

⁴ См. документ A/C.1/SR.78.

Народы всего мира и народы стран — членов Организации Объединенных Наций смотрят на эту Организацию и на все ее органы с великой надеждой и верой. Они по-настоящему хотят мира и считают, что чем лучше мы будем организованы, тем надежнее будет мир. Они, конечно, не считают, что мир легче будет сохранить, если мы будем менее организованы.

Моя делегация разделяет чаяния всех простых людей — мужчин и женщин всего мира. Поэтому мы поддерживаем эту резолюцию.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-английски): Поскольку делегация Египта сообщила мне о желании исключить своего представителя из списка ораторов, желающих выступить больше нет.

Сейчас мы приступаем к голосованию резолюции об учреждении межсессионного комитета Генеральной Ассамблеи, которая изложена в документе А/454.

Поскольку ни одна делегация не просит произвести поименное голосование, мы приступаем к голосованию поднятием рук.

Резолюция принимается большинством в 41 голос против 6 при 6 воздержавшихся.

68. Вопрос о независимости Кореи: а) доклад Первого комитета (документ А/447); б) доклад Пятого комитета (документ А/461)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-английски): Доклад Первого комитета (документ А/447) содержит проект резолюции, предлагаемый Генеральной Ассамблее. Доклад Пятого комитета (документ А/461) излагает бюджетные последствия предлагаемой Первым комитетом резолюции.

Представитель Дании, Докладчик Первого комитета, изложит доклад этого Комитета.

Г-н КАУФМАН (Дания), Докладчик (говорит по-английски): Документ А/447, содержащий предлагаемую Генеральной Ассамблее резолюцию о предоставлении независимости Кореи, был разослан 6 ноября. Это предложение было принято в Первом комитете большинством в сорок шесть голосов, при отсутствии голосовавших против и четырех воздержавшихся. Делегации Союза Советских Социалистических Республик, Украинской Советской Социалистической Республики, Чехословакии, Белорусской Советской Социалистической Республики, Югославии и Польши заявили несколько дней тому назад, что они не могут принять участие в голосовании, поскольку вопрос о Кореи предполагалось обсуждать в Первом комитете в отсутствие представителей корейского народа.

Ввиду позднего времени я хотел бы предложить, чтобы доклад Первого комитета, равно как и представленные Комитетом две резолюции, были приняты в том виде, в каком они зачитаны.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-английски): Представитель Швеции изложит доклад Пятого

комитета. Этот доклад представлен Генеральной Ассамблее в целях информации и не требует каких-либо специальных решений.

Г-н Бергстрем (Швеция) зачитывает доклад Пятого комитета (документ А/461).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-английски): Слово предоставляется представителю Союза Советских Социалистических Республик.

Г-н ГРОМЫКО (Союз Советских Социалистических Республик): Учитывая важность вопроса о Кореи, советская делегация считает необходимым изложить свою позицию по этому вопросу и на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи. Это необходимо сделать хотя бы уже потому, что принятая Комитетом по политическим вопросам и вопросам безопасности и представленная на утверждение Ассамблеи резолюция не дает решения этого вопроса. Более того, эта резолюция, навязанная, как известно, Соединенными Штатами, лишь осложняет весь этот вопрос, так как в основу этой резолюции положены не интересы корейского народа, а расчеты Соединенных Штатов, срывающих и продолжающих срывать должное решение вопроса о будущем Кореи.

В Комитете по политическим вопросам и вопросам безопасности делегация СССР, излагая позицию Советского правительства по корейскому вопросу, подробно осветила все главные аспекты этого важного вопроса, имея в виду помочь другим делегациям разобраться в нем. Мы исходили при этом из того факта, что позиция Советского Союза в вопросе о Кореи, как правило, представлялась в неверном освещении, а часто и прямо извращалась. Делалось это правительством Соединенных Штатов и его официальными представителями как здесь, в США, так и в Южной Кореи.

Разумеется, детальное обсуждение этого вопроса в Комитете по политическим вопросам и вопросам безопасности освобождает делегацию СССР от необходимости вдаваться в детали этой проблемы на пленарном заседании Ассамблеи. Поэтому я коснусь лишь наиболее важных вопросов, возникающих в связи с обсуждением резолюции Комитета по политическим вопросам и вопросам безопасности, касаясь главным образом советских и американских предложений по Кореи.

Прежде всего необходимо указать на то, что советское правительство сделало все от него зависящее для того, чтобы добиться решения вопроса о Кореи в строгом соответствии с теми обязательствами, которые взяли на себя СССР, США и Великобритания и к которым позже присоединился Китай по Московскому соглашению от 27 декабря 1945 года. Согласно этому обязательству союзные державы должны обеспечить восстановление Кореи как независимого государства, создание Временного корейского демократического правительства и создание условий для развития страны на демократических основах.

Кроме того, Соединенные Штаты и Советский Союз, содержащие свои войска на территории Кореи, взяли по этому соглашению особые обязательства. Они обязались при помощи созданной в соответствии с этим соглашением Совместной советско-американской комиссии подготовить соответствующие рекомендации, по которым после рассмотрения их правительствами четырех держав правительства США и СССР должны принять окончательные решения для достижения указанной выше цели — создания независимого демократического корейского государства.

Соглашением были предусмотрены и методы, при помощи которых правительства двух держав должны были решить поставленные перед ними задачи. Было предусмотрено, что при подготовке рекомендаций Совместная советско-американская комиссия должна консультироваться с демократическими политическими партиями и общественными организациями Кореи. Это и понятно, так как невозможно не учитывать мнения корейского народа при подготовке решений, определяющих будущее этого народа.

К сожалению, работа Совместной советско-американской комиссии зашла в тупик почти сразу же после ее начала, так как Соединенные Штаты отказались выполнять взятые на себя обязательства, прежде всего в вопросе об упомянутой мной консультации. Вопреки взятому обоими государствами обязательству консультироваться с демократическими партиями и общественными организациями представители США в Комиссии настаивали на проведении такой консультации с антидемократическими партиями и организациями, к тому же ведущими борьбу против Московского соглашения, и решительно возражали против привлечения к консультации демократических партий и организаций в Южной Корее, как, например, Всекорейской конфедерации труда, Всекорейского женского союза, Всекорейского союза молодежи, Всекорейского крестьянского союза, объединяющего свыше трех миллионов корейских крестьян, и других организаций.

Уже в первоначальный период работы Совместной советско-американской комиссии стало ясно, что взятые правительством США обязательства по Московскому соглашению по существу были маневром, ибо поведение американских представителей в Комиссии являлось прямо противоположным тому, что предусматривалось этим соглашением.

Советское правительство неоднократно через своих представителей в Комиссии, а также в письмах министра иностранных дел СССР В. М. Молотова на имя государственного секретаря США Маршалла настаивало на необходимости точного выполнения Московского соглашения. Комиссия после перерыва в работе, длившегося с мая 1946 года по апрель 1947 года, вновь возобновила свою деятельность, однако без каких-либо заметных результатов, ввиду того, что занятая правительством США позиция в вопро-

се о консультации, противоречащая Московскому соглашению о создании независимого демократического государства, осталась неизменной.

Соединенные Штаты, таким образом, грубо нарушили взятые на себя обязательства и сорвали выполнение Московского соглашения. Я считаю необходимым заявить об этом еще раз, так как делегация США на Ассамблее, следуя примеру американских представителей в Совместной советско-американской комиссии в Корее, извращает действительное положение вещей, пытаясь обвинить СССР в том, что корейский вопрос не удалось до сих пор урегулировать, хотя, как известно, американская делегация не смогла привести ни одного факта в подтверждение таких своих заявлений или вообще в подтверждение своей позиции. Это и не удивительно, так как сами факты раскрывают перед ними действительную обстановку в Корее, разоблачают двойную игру, которую до сих пор проводили Соединенные Штаты в корейском вопросе, и подтверждают обоснованность позиции СССР, упорно настаивавшего на необходимости строгого выполнения взятых на себя союзными государствами обязательств в отношении Кореи.

Нельзя не указать на то, что государственный департамент США и американские представители в Совместной советско-американской комиссии систематически давали в прессу не соответствующие действительности сведения о положении в Корее и о работе Комиссии. Фальсификация фактов стала их излюбленным приемом, что не могло не поставить еще больше под сомнение намерения правящих кругов США решать совместно с другими союзными государствами вопрос о будущем Кореи действительно в соответствии с интересами корейского народа, стремясь к созданию независимой и демократической Кореи.

В этом отношении происходило своего рода соревнование между государственным департаментом и военным командованием США в Южной Корее. За всей этой тенденциозной пропагандистской шумихой нельзя было не усмотреть желанного похоронить весь план решения корейского вопроса, определенный Московским соглашением, и заменить его каким-то особым планом Соединенных Штатов, преследующих, по-видимому, в Корее свои собственные цели, если исходить не из заявлений официальных представителей США, а из фактов.

Сделав все возможное для того, чтобы Соединенные Штаты и Советский Союз действовали в строгом соответствии с принятыми ранее на себя обязательствами в отношении Кореи, и убедившись, что правительство США по каким-то мотивам не желает выполнять эти обязательства, затыкая и срывая работу Совместной советско-американской комиссии, правительство СССР внесло через своего представителя в этой комиссии 26 сентября сего года свои новые предложения по вопросу о Корее. Сущность этих предложений состоит в том, что все иностранные войс-

ка, находящиеся на территории Кореи, должны быть выведены из Кореи в начале 1948 года. Тем самым предусматривается, что корейский народ должен сам решать свои внутренние дела: организовать выборы в представительные учреждения, создать национальное правительство Кореи, создать свои собственные вооруженные силы и организовать без всякого давления и вмешательства извне всю внутреннюю политическую и экономическую жизнь страны на демократических началах. Нетрудно понять, что новые советские предложения соответствуют коренным национальным интересам корейского народа, которые не могут не совпадать с нашими общими интересами поддержания международного мира и безопасности.

Эти советские предложения предусматривают радикальное решение корейского вопроса, устраняя сразу всякие трудности и осложнения, возникающие на пути выполнения взятых союзными державами ранее на себя обязательств, представляя вместе с тем полную возможность самому корейскому народу решать все свои внутренние государственные дела. Эти новые предложения дают наиболее простое решение корейского вопроса. Добавьте к сказанному и то, что советские предложения соответствуют национальному самосознанию корейского народа, идут навстречу естественному чувству его национального достоинства, и вам станет еще яснее значение этих предложений.

Как были встречены эти советские предложения в Корее? Корейский народ встретил эти предложения полным одобрением. Не только демократические деятели, демократические политические партии и общественные организации приветствуют эти предложения. Их приветствуют также многие деятели даже правых партий и организаций, о чем в последние дни опубликовано немало сообщений, в частности в американской печати. Об этом писала, например, газета «Нью-Йорк таймс» от 5 ноября сего года в статье господина Розенталя.

Против вывода иностранных войск из Кореи из среды корейцев возражают только отъявленные враги корейского народа, безнадёжные реакционеры, на которых опирается в своих действиях американское военное командование в Южной Корее. Эти люди знают, что они не могут встретиться с глазу на глаз со своим собственным народом в случае ухода из Южной Кореи американских войск. Они готовы торговать Кореей оптом и в розницу. Они готовы продавать и предавать интересы своего народа в угоду своим иностранным хозяевам.

Что касается руководящих кругов Соединенных Штатов, то, как видно из позиции американской делегации на Генеральной Ассамблее, внесение советских предложений полностью спутало карты этих кругов и, разумеется, американской делегации на Ассамблее.

До сих пор видное место в американской про-

паганде по вопросу о будущем Кореи занимали утверждения о том, будто бы Соединенные Штаты заинтересованы в скорейшем выводе иностранных войск из Кореи. Когда же были внесены советские предложения о выводе всех иностранных войск из Кореи, то вместо того чтобы поддержать эти предложения, США стали решительно возражать против них. Этим самым они показали лицемерие утверждений о желании поскорее вывести из Кореи войска.

При обсуждении советских предложений в Комитете по политическим вопросам и вопросам безопасности делегация США, по существу, уклонилась от дискуссии по этим предложениям и ограничилась лишь некоторыми частными, недостаточно связанными между собой замечаниями, свидетельствовавшими о том, что американская делегация боится даже обсуждать эти предложения, отдавая себе, по-видимому, отчет в том, что против них она не может привести каких-либо убедительных доводов.

Тем временем делегация США была в Комитете по политическим вопросам и вопросам безопасности в одну точку — добивалась ускорения голосования по своим предложениям, которые, как известно, коренным образом отличаются от советских предложений. В предложениях США все поставлено на голову. Вывод иностранных войск с территории Кореи, согласно этим предложениям, должен не предшествовать избранию представительных органов и образованию демократического правительства Кореи, а, напротив, рассматривается в качестве последнего мероприятия в системе мер, предложенных этим американским планом, причем для вывода иностранных войск из Кореи не устанавливается вообще никаких определенных сроков. В предложениях содержится никого ни к чему не обязывающая формула о выводе войск просто «по возможности скорее» после проведения выборов и создания правительства Кореи. Не ясно ли, куда гнут авторы этих предложений?

Таким образом, согласно американскому плану проведение выборов в представительные учреждения, в том числе в Национальное собрание Кореи, и образование национального правительства Кореи должно производиться в условиях пребывания иностранных войск. Это, разумеется, нельзя расценивать иначе, как попытку организовать выборы в условиях иностранного вмешательства во внутренние дела Кореи с целью обеспечить избрание в представительные учреждения и включение в состав правительства людей, на которых уже давно опираются американские военные власти в Корее, то есть отъявленных реакционеров, заботящихся не столько о судьбе собственного народа, сколько о выгодах для своих иностранных покровителей и о своих личных выгодах.

Весь этот американский план не позволяет корейскому народу свободно выразить свою волю, но в то же время он на руку реакционным антидемократическим группам и политическим дея-

телям Кореи, так как помогает им остаться у власти. Расчеты США, как видим, довольно просты, но беда состоит в том, что они не соответствуют ни интересам корейского народа, ни нашим общим интересам укрепления международного сотрудничества, так как осуществление их означало бы создание не демократического корейского государства, а антидемократического, к тому же зависимого от Соединенных Штатов и являющегося фактически их колонией. Этот вывод неизбежно напрашивается, если иметь в виду характер американских предложений, положенных в основу принятой Первым комитетом резолюции, а также отношение правительства США к советским предложениям.

Очевидно, для того чтобы прикрыть действительный смысл американских предложений, делегация США внесла предложения, также одобренные Первым комитетом, о создании так называемой «Временной комиссии Объединенных Наций», которая, по замыслу авторов этого предложения, должна фактически осуществлять контроль над Кореей как в период выборов, так и в период образования корейского национального правительства. Но создание такой комиссии не меняет существа дела. Более того, решение о создании комиссии делает весь этот американский план еще более грубым и неприемлемым для всех тех, кто действительно стремится к созданию демократической Кореи, а не играет словами, за которыми скрываются реакционные проекты, рассчитанные на закабаление корейского народа американскими монополиями.

Образование такой комиссии является недопустимым, так как оно противоречит принципу национального самоопределения корейского народа. Эта комиссия превратится лишь в ширму, прикрывающую односторонние действия, проводимые Соединенными Штатами Америки в Южной Корее, которые, как я уже говорил, направлены на превращение Кореи в американскую колонию, если судить о действительном отношении Соединенных Штатов не по заявлениям официальных представителей правительства США относительно политики, проводимой в Корее американским военным командованием.

Сказанное подтверждается той практикой, которую проводят с первого дня американские военные власти в Южной Корее. Во время дискуссии в Комитете по политическим вопросам и вопросам безопасности советская делегация приводила немало фактов, свидетельствующих о том, что американские военные власти в Южной Корее проводят антидемократическую политику. США сделали ставку в Южной Корее на узкие, изолированные от корейского народа реакционные группы, всячески поощряя деятельность этих групп, направленную против демократических партий и организаций. Они также поощряют своим попустительством террористическую деятельность полуфашистских организаций, ставших на путь открытой борьбы против демократических сил страны, вплоть до физического

уничтожения видных деятелей корейских демократических партий и общественных организаций.

Советская делегация не раз делала заявления в Комитете по политическим вопросам и вопросам безопасности и приводила факты, подтверждающие все то, что я сейчас сказал.

Эта политика американских военных властей в Южной Корее вызвала законное негодование всего корейского народа. Об этом говорится, например, в письме Народного единого национального демократического фронта Северной Кореи, написанном от имени входящих в него многочисленных политических партий и общественных организаций два месяца тому назад и адресованном правительствам США и СССР. В этом письме говорится: «...То, что творится на юге Кореи в последнее время, превосходит все самые мрачные дни разгула реакции». В письме разоблачается антинародная политика американского военного командования. По вполне понятным причинам делегация США продолжает молчать об этом документе.

Почти ежедневно в мировой печати, в том числе и в американской, публикуются сообщения о том, что действующие при поддержке американских властей реакционные и террористические полуфашистские группы в Южной Корее все более нагнетают, что недовольство всего народа—рабочих, крестьян и интеллигенции с каждым днем растет. Это и неудивительно, ибо в Южной Корее не проведено демократических реформ в отличие от Северной Кореи. Земля, являвшаяся на протяжении столетий заветной мечтой корейского крестьянина, все еще не распределена между теми, кому она по праву должна принадлежать. Крестьянин в Южной Корее так и остается безземельным в отличие от крестьянина Северной Кореи. Разве может при таких условиях корейский крестьянин поддерживать существующие порядки в Южной Корее? Конечно не может.

Не следует поэтому удивляться заявлению побывавшего в Корее корреспондента Марка Гейна в газете «П. М.» от 3 ноября 1947 года о том, что «...русские создали себе друзей, у нас же их нет». Мы согласны с этим корреспондентом.

Я мог бы привести много фактов, подтверждающих, что и положение корейского рабочего в Южной Корее не лучше, чем положение крестьянина, но это широко известно всему миру. О положении рабочих свидетельствуют многочисленные забастовки и демонстрации протеста против политики американских властей в Южной Корее и политики их ставленников из корейских реакционеров.

Следует ли, учитывая все это, удивляться, что многие люди, посетившие Южную Корею, по возвращении оттуда подвергают резкой критике действия американского командования. Даже многие американцы возмущаются, наблюдая существующее в Южной Корее положение, и указывают, что положение не только не улучшается, но,

напротив, ухудшается и что американские власти проявляют полное равнодушие к судьбе корейского народа. Тот же корреспондент Марк Гейн сообщает о разговоре на тему о положении крестьянства с одним американским чиновником, заявившим ему, что корейцы якобы «привыкли к этой системе».

Если учесть все эти факты, станет понятным, почему делегация Соединенных Штатов решительно возражала против того, чтобы обсуждать корейский вопрос в Генеральной Ассамблее в присутствии избранных представителей корейского народа. Она, очевидно, боялась услышать голос этого народа. Она, очевидно, боялась услышать правду о положении в Южной Корее, на чем настаивала делегация СССР, считая, что мы не можем рассматривать существо корейского вопроса, не заслушав мнения представителей этого народа.

Как вы знаете, Соединенным Штатам удалось добиться того, что голос корейского народа так и не был услышан на Генеральной Ассамблее и одобренная Комитетом по политическим вопросам и вопросам безопасности резолюция была принята в отсутствие корейских представителей. Это является результатом игнорирования интересов корейского народа. Такие решения несовместимы с национальным достоинством этого народа.

Смысл американских предложений станет еще более ясным, если мы учтем не только практику военных властей США в Южной Корее, но и заявления некоторых официальных американских лиц о Корее и о ее значении для Соединенных Штатов Америки.

Советская делегация указывала уже во время дискуссии в Комитете по политическим вопросам и вопросам безопасности на заявление генерала Ходжа о том, что американцы «окопались в Корее» и останутся там до тех пор, пока не выполнят своей миссии. Она указывала также на заявление бывшего помощника государственного секретаря генерала Хиллдринга, выразившего опасение, что вывод американских войск из Кореи «может вызвать серьезные отголоски на Востоке».

Надо отдать должное откровенности таких людей. Подобные заявления проливают свет на планы Соединенных Штатов в отношении, в частности, Южной Кореи, которую американские власти в Корее начинают все больше и больше экономически приспособлять к экономике Соединенных Штатов. Политически Южную Корею начинают превращать в центр реакции в Восточной Азии. В территориальном отношении Корея, по-видимому, рассматривается как своего рода база Соединенных Штатов. Недаром наиболее реакционная американская пресса уже подчеркивает стратегическое значение Кореи, делая прозрачные и недвусмысленные намеки на то, каким образом и против кого такая база может быть или даже должна быть использована. Взоры этих органов печати устремлены из Кореи на север и северо-запад.

И вот в таких условиях нам предлагают принять американский план урегулирования корейского вопроса—план, который не рассчитан вовсе на его урегулирование, а ведет к созданию лишь затруднений на пути такого урегулирования. Ясно, что за такое положение несут ответственность прежде всего те, кто навязывает такого рода планы.

Что же касается Советского Союза, то он и впредь будет разоблачать всякие попытки тех, кто, прикрываясь маркой Объединенных Наций, старается использовать Корею в интересах, не имеющих ничего общего с интересами поддержания мира и международной безопасности. Он будет добиваться такого решения вопроса о будущем Кореи, которое соответствовало бы коренным национальным интересам корейского народа и в то же время находилось бы в соответствии с нашими общими интересами в деле укрепления мира и безопасности народов.

Советская делегация уже указала в Комитете по политическим вопросам и вопросам безопасности на то, что нельзя в Генеральной Ассамблее рассматривать по существу вопрос о Корее и принимать решения в отсутствие представителей корейского народа. Поскольку большинство в Комитете решило рассматривать этот вопрос по существу и принимать решения, делегация СССР заявила, что она не считает возможным принять участие в голосовании по американскому предложению по указанным выше мотивам.

По этим же мотивам советская делегация не находит возможным участвовать в голосовании по резолюции Комитета и на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи.

Г-н Аранья покидает председательское место и его заменяет г-н Пароди (Франция).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-французски): Слово предоставляется представителю Соединенных Штатов Америки.

Г-н ДАЛЛЕС (Соединенные Штаты Америки) (говорит по-английски): Перед нами две принятые Первым комитетом резолюции. Первая принята большинством в сорок один голос при отсутствии голосовавших против, а вторая—большинством в сорок шесть голосов при отсутствии голосовавших против. Эти резолюции означают, по существу, что Организация Объединенных Наций намерена предпринять попытку найти выход из создавшегося в Корее тупика, на протяжении уже двух лет не позволяющего Корее получить независимость, которая, как полагали, автоматически должна была последовать после поражения Японии. Этого не произошло по следующей причине: по условиям капитуляции японские войска в Северной Корее должны были капитулировать перед войсками СССР, а в Южной Корее—перед войсками США. Таким образом, в военных целях эти войска сразу осуществили оккупацию и вопрос о их выводе и восстановлении независимости Кореи практически не нашел своего разрешения.

Соединенные Штаты всегда считали, что после поражения Японии быстро последует предоставление независимости Корее. Как только Япония потерпела поражение, мы встретились с представителями СССР на конференции в Москве с целью выяснения обстановки, сложившейся в результате присутствия в Корее войск наших двух государств. Достигнутое там соглашение не было соблюдено. Вы только что слышали от представителя СССР его объяснение, почему это соглашение не было соблюдено. Я бы мог представить другие объяснения, однако я не считаю нужным утруждать Генеральную Ассамблею воспоминаниями о грустной двухгодичной истории споров и диспутов, в ходе которых Совместная советско-американская комиссия не смогла договориться даже о начале консультаций с корейским народом, так как мы не могли договориться, каково истинное определение содержащегося в Московском соглашении слова «демократический». Так произошел кризис, продолжающийся вот уже два года. Поскольку этот кризис мешал 30-миллионному населению Кореи получить независимость, на которую, как считали все, оно имело полное право, Соединенные Штаты, после своей попытки созвать конференцию представителей четырех держав, включая СССР, Соединенное Королевство и Китай, являвшиеся также заинтересованными сторонами в соглашениях о независимости Кореи, и после того, как эта конференция четырех держав была отвергнута Советским Союзом, в конце концов вынесли этот вопрос на рассмотрение Генеральной Ассамблеи.

В Первом комитете состоялась продолжительная дискуссия, которая, в основном, сводилась к выяснению следующих трех вопросов: во-первых, должна ли вообще Генеральная Ассамблея что-либо предпринимать по данному вопросу? Во-вторых, следует ли нам действовать сейчас или подождать, пока в Нью-Йорк прибудут представители Кореи? В-третьих, если бы мы стали действовать сейчас, то следовало ли предпринять сначала вывод войск, а затем создать правительство, или попытаться сначала создать правительство, а затем вывести войска?

Принимая во внимание длительность кризиса, а также тот факт, что другие возможности его разрешения были исчерпаны, по первому вопросу, в отношении того, что Организация Объединенных Наций должна действительно что-то предпринять с целью оказания помощи корейскому народу в получении независимости, было очень мало разногласий. Поэтому мы перешли ко второму пункту дебатов—процедурному вопросу: следует ли нам начинать обсуждать данный вопрос сейчас, на данной сессии Генеральной Ассамблеи, или следует пригласить сюда представителей Кореи для совместного обсуждения данного вопроса?

Делегация СССР внесла предложение не предпринимать никаких мер до прибытия сюда законным образом избранных представителей корей-

ского народа, с тем чтобы узнать точку зрения последних, прежде чем что-либо предпринимать.

Очевидно, это предположение означало бы, что никаких действий в течение текущего года предпринято не будет. Ожидание прибытия из Кореи, по выражению делегации СССР, «законным образом избранных представителей корейского народа», явилось бы совершенно немыслимым делом, если иметь в виду быстро истекающие сроки работы данной сессии Генеральной Ассамблеи.

Хочу мимоходом заметить, что сам по себе вопрос, каких лиц можно было бы считать «законным образом избранными представителями корейского народа», поднимал именно ту проблему, которую мы пытались не затрагивать, обращаясь за помощью к Генеральной Ассамблее. В соответствии с точкой зрения, высказанной в Первом комитете делегациями СССР и Украинской Советской Социалистической Республики, в Южной Корее нет «законным образом избранных представителей корейского народа», таких представителей можно было бы найти только в Северной Корее. Поэтому суть данного предложения сводится к тому, чтобы раньше или позже, я не знаю когда, вызвать сюда некоторых представителей Северной Кореи, а из Южной Кореи, где проживает две трети корейцев, никаких представителей не вызывать.

Таково было предложение, касающееся консультаций. И оно было бы совершенно неприемлемым, ибо не предусматривало представительства двух третей корейского народа. Во всяком случае консультация не могла бы состояться вовремя, чтобы о ее результатах можно было проинформировать настоящую сессию Генеральной Ассамблеи, а весь вопрос пришлось бы перенести на следующий год.

Соединенные Штаты внесли поправку к резолюции СССР, которой предусматривается, что вместо того, чтобы консультироваться с корейскими представителями здесь, в Нью-Йорке. Организация Объединенных Наций немедленно направила бы свою комиссию в Корею для консультации с представителями корейского народа.

Данная резолюция, включая процедурные вопросы проведения быстрой консультации с представителями как Северной, так и Южной Кореи и во избежание отсрочки решения этой проблемы еще на год, была одобрена Первым комитетом подавляющим большинством в сорок один голос при отсутствии голосовавших против. Таким путем мы достигли эффективного решения для проведения консультаций с корейским народом.

После этого мы подошли к рассмотрению последнего вопроса о практических предложениях для выхода из тупика. СССР предложил резолюцию, как я уже указывал, в которой Генеральной Ассамблее предлагалось немедленно вывести из Кореи оккупационные войска, предоставив корейцам возможность создать свое правительство в

обстановке, которая сложится сразу же после вывода войск.

Делегация США считала, что осуществление такого мероприятия наверняка породило бы в Корее хаос, а может быть, и гражданскую войну; вместо действительного предоставления корейскому народу свободы и независимости, а также всех вытекающих из этого благ, такое мероприятие обрекло бы Корею на многие годы хаоса. Нам казалось, что самым правильным путем явилось бы быстрее прекращение военной оккупации Кореи, но только после того, как эта оккупация выполнила бы свое назначение переходного этапа между японской оккупацией и созданием нового центрального правительства Кореи.

В настоящее время мы прекрасно понимаем и мы говорим об этом совершенно откровенно, что военная администрация, даже самая совершенная, не является очень хорошей формой правления. Однако лучше иметь военную администрацию, чем вообще никакой административной власти. Если военная администрация является временной мерой переходного периода для создания постоянного правительства Кореи, тогда можно оправдать продолжение ее деятельности. Но эта деятельность проводилась бы под покровительством и наблюдением представительной комиссии Организации Объединенных Наций, которая находилась бы на месте для непосредственного наблюдения и в ее задачу входило бы обеспечить быстрее проведение выборов представителей корейского народа, которые бы затем, собравшись на общенациональную ассамблею, учредили бы правительство. Такое предложение незамедлительно привело бы к быстрейшему разрешению вопроса. Предлагалось, чтобы выборы были проведены не позднее 31 марта 1948 года и сразу после этого в течение 90 дней были бы выведены войска, если это окажется физически возможным. Таким образом, для осуществления всех этих мероприятий потребовалось бы менее шести месяцев с момента нашего здесь разговора.

Я могу сказать, что во время подписания Московского соглашения в декабре 1945 года СССР согласился с общей концепцией о необходимости создать раньше временное правительство в условиях порядка, обеспеченного присутствием в Корее войск. Соглашением предусматривалось наличие оккупации и совместная комиссия двух держав, призванная консультироваться с корейцами; далее предусматривалось создание центрального правительства и только после этого — а в действительности после предполагавшегося периода опеки — предусматривалось предоставление полной независимости и вывод войск.

Совершенно очевидно — это понятно каждому здравомыслящему человеку и послужило предпосылкой для Московского соглашения 1945 года, — что для поддержания порядка в Корее там предусматривалось в качестве обычной меры присутствие войск, поскольку в Корее не суще-

ствовало никакого правительства. Для поддержания порядка прежде всего необходимо наличие нормально функционирующего правительства. Войска выводятся, как только они выполняют свою задачу. Если предпринять преждевременный вывод войск, там определенно возникнет хаос, а может быть, и гражданская война, и наступит действительно очень тяжелые времена для корейцев, об оказании помощи которым мы так много говорим.

Таково было решение Первого комитета, который подавляющим большинством в сорок шесть голосов при отсутствии голосов против одобрил предложение в том виде, в каком оно было представлено Соединенными Штатами. Предложение Соединенных Штатов предусматривало посылку в Корею комиссии, консультации с корейцами, незамедлительное проведение выборов делегатов на общенациональный съезд, формирование правительства, имеющего в своих руках необходимый для поддержания порядка аппарат, и последующий вывод войск.

В Первом комитете были высказаны мысли — некоторые из них, хотя и не столь воинственные и экстремистские, высказывались и здесь — по поводу того, что администрация Соединенных Штатов в Южной Корее является не очень хорошей администрацией. Предъявлялись обвинения в том, что данная администрация на деле является очень плохой администрацией, что она хуже японской администрации, что производятся массовые аресты, убийства, заключения в тюрьмы за всевозможные политические преступления и так далее.

Я уже высказывал мнение, что любая военная администрация ни в коей мере не может являться идеальной формой правления. Мы считаем, что такую форму администрации необходимо как можно быстрее ликвидировать в интересах благополучия корейского населения. Более того, мы убеждены, что в Корею необходимо послать комиссию, представляющую Организацию Объединенных Наций, с тем чтобы она на месте изучила создавшееся положение. Поразило всех нас в Первом комитете, мне кажется, следующее: несмотря на то, что условия жизни в Северной Корее были представлены как идеальные и поистине райские, а в Южной Корее — как адские, именно делегация Соединенных Штатов проявила инициативу в том, чтобы убедить Организацию Объединенных Наций в необходимости послать в Корею комиссию для проверки действительного положения вещей, тогда как делегация СССР ничего общего не захотела иметь с этой комиссией.

Если данная резолюция будет принята, в чем я не сомневаюсь, то в Корею будет направлена временная комиссия для изучения положения вещей. Я знаю, что в Южной Корее комиссия не найдет идеальных условий, однако она обнаружит там американскую администрацию, которая искренне работает в интересах корейского народа, которая хочет, чтобы было создано централь-

ное правительство, и желает, наконец, поскорее вернуть домой. И это, уверяю вас, является также желанием правительства Соединенных Штатов.

Я уверен, что с помощью данной программы с ее сжатыми сроками вполне возможна через соответствующие учреждения Организации Объединенных Наций предоставить наконец корейскому народу долгожданную свободу и независимость чему, в соответствии с принципами и идеалами Организации Объединенных Наций, мы обязаны помочь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-французски*): Слово предоставляется представителю Филиппинской Республики.

Г-н РОМУЛО (Филиппины) (*говорит по-английски*): В данном случае, я не собираюсь еще раз подчеркивать достоинства предложения, содержащегося в обсуждаемой нами резолюции. Предложение тщательно и всесторонне обсуждалось в Первом комитете, и здесь вряд ли что можно добавить к тому очевидному факту, что резолюция была принята, и теперь нам предстоит утвердить ее.

Я хотел бы только обратиться с искренним призывом к делегациям Союза Советских Социалистических Республик и делегациям других государств — членов Организации Объединенных Наций, голосовавших против резолюции, чтобы они пересмотрели свою позицию. Я отлично понимаю, что ни я, ни кто-либо другой не имеет права спрашивать, каким образом та или иная делегация голосовала или намерена голосовать по любому выдвинутому предложению. Однако этот призыв, по-моему, оправдывается неоднократными заверениями делегации СССР, которые на сегодняшнем вечернем заседании еще раз были повторены господином Громыко, что его делегация искренне заинтересована в предоставлении независимости Корее в самом ближайшем будущем. По крайней мере по этому не новому вопросу делегация СССР придерживается такого же мнения, как и все остальные делегации.

По процедурным вопросам советская делегация придерживается и, несомненно, совершенно искренне своей, отличающейся от нашей, точки зрения. Она настаивает на двух моментах: на приглашении на данную сессию Генеральной Ассамблеи представителей корейского народа и на выводе из Кореи оккупационных войск 1 января 1948 года. Здесь снова следует подчеркнуть, что отрицательные результаты голосования по обоим этим предложениям в Первом комитете никоим образом не свидетельствуют о том, что большинство принципиально возражает против участия корейских представителей в нашем обсуждении или против вывода войск. Предложение о приглашении корейских представителей на текущую сессию было отвергнуто только потому, что в течение оставшегося времени работы сессии невозможно должным образом провести выборы пред-

ставителей корейского народа и обеспечить их присутствие здесь.

Если бы мы приняли предложение делегации СССР и продолжали настаивать на присутствии здесь корейских делегатов, которые действительно представляли корейский народ, то возникла бы ситуация, при которой участие этих представителей в нашем обсуждении пришлось бы определенно отложить до следующей очередной сессии Генеральной Ассамблеи. Такая отсрочка вряд ли отвечала открыто высказанному желанию СССР ускорить предоставление независимости Корее.

Очевидно, следовало принять компромиссное решение. Требовалось совместить принцип консультации с представителями корейского народа с необходимостью принятия определенных мер в оставшийся в нашем распоряжении короткий период времени. Такое компромиссное решение нашло свое воплощение в представленной сейчас нам резолюции, предусматривающей проведение корейским народом выборов своих представителей, которые затем сами создадут государственную ассамблею временного национального правительства Кореи. Затем корейские представители будут приглашены для консультации со специальной комиссией Генеральной Ассамблеи по различным вопросам, перечисленным в резолюции и касающимся всех необходимых для провозглашения независимости Кореи мероприятий.

Такая процедура отвечала бы принципу представительства и консультаций, и каждому непредубежденному человеку должно быть ясно, что предлагаемая делегацией СССР другая процедура не сможет помешать тому, чтобы было соблюдено это настоятельное требование.

Остается также вопрос о выводе войск. Хотя мы аплодируем действиям СССР и его великодушному жесту, мы тем не менее не можем не выразить сожаления, что это предложение было, как нам кажется, внесено с целью бросить вызов. Мы склонны считать, что вопрос о независимости Кореи — слишком важный и серьезный вопрос, чтобы делать из него повод для вызова и бросания перчатки.

Мы слышали данное делегацией Соединенных Штатов торжественное обязательство о том, что правительство Соединенных Штатов намерено вывести все свои войска из Кореи. Однако вывод войск важен не сам по себе как акт отказа, а скорее как акт, связанный с мирным и организованным процессом, облегчающим установление независимости Кореи.

Поскольку между нами и делегацией СССР не существует принципиального расхождения по таким двум практическим вопросам, как представительство Кореи и вывод войск, мы считаем совершенно необходимым самым настоятельным образом, употребив всю силу своего убеждения, просить делегацию СССР не предпринимать на данном этапе ничего такого, что могло бы окончательно захлопнуть дверь для возможности ее

участия в достижении цели, которую Организация Объединенных Наций ставит перед собой в Корею.

Это мероприятие имеет действительно историческое значение для нашей молодой Организации. Моя делегация вновь выражает искреннюю надежду и пожелание, что СССР не допустит того, чтобы простые расхождения в подходе к вопросу помешали ему участвовать в достижении общей цели.

Я сделал это обращение, рискуя показаться простаком. Я делал это единственно и исключительно в интересах несчастного корейского народа, которому в настоящее время угрожает опасность быть принесенным в жертву на алтарь политики силы.

Хотя нам известна и сила и характер этого мощественного соперничества, мы не можем проходить молча мимо того факта, что своим решением мы можем обречь корейский народ на трагическую судьбу: на опасность иметь урезанный парламент, разделенное правительство и расчлененную территорию.

Я прошу делегацию СССР принять во внимание тот факт, что в специальную комиссию по Корею войдут представители государств, большинство которых является соседями Кореи и которые искренне заинтересованы, как и все другие государства, в освобождении Азии от зависимости. Если СССР, как он часто заверял, действительно разделяет с нами эту огромную и трудную цель, то почему бы его правительству не принять участия в работе комиссии? Если у делегации СССР имеются какие-либо сомнения относительно методов работы комиссии и ее непосредственной деятельности, то разве не будет лучше для СССР принять участие в работе комиссии для того, чтобы давать советы, искать приемлемое решение или, в случае необходимости, выдвигать свои возражения?

Поэтому, голосуя за предлагаемую Первым комитетом резолюцию, я хочу уточнить, что моя делегация не отвергает возможности участия СССР в работе Временной комиссии Организации Объединенных Наций по вопросу о Корею. Для СССР двери всегда будут открыты, и мы будем приветствовать, если его представители будут работать с нами, как они работают с нами и здесь, несмотря на трудности и споры, которые занимают такую большую часть наших обсуждений.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-французски*): По данному вопросу повестки дня к Генеральной Ассамблее желают обратиться еще четыре оратора. Мне кажется поэтому, что на данном вечернем заседании мы не успеем закончить обсуждение корейского вопроса.

Если нет возражений, то сегодняшнее заседание закрывается и обсуждение данного вопроса возобновляется завтра в 11 часов.

Заседание закрывается в 22 час. 55 мин.

СТО ДВЕНАДЦАТОЕ ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Пятница, 14 ноября 1947 года, 11 час.

Флошинг Медоу, Нью-Йорк

Председатель: г-н О. АРАНЬЯ (Бразилия)

69. Продолжение обсуждения вопроса о независимости Кореи

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Продолжим обсуждение доклада Первого комитета по вопросу о независимости Кореи (документ А/447).

На данном утреннем заседании Генеральной Ассамблеи надлежит рассмотреть новый документ А/477, проект резолюции, предложенный Союзом Советских Социалистических Республик.

В списке желающих выступить имеется семь ораторов: от Китая, Чехословакии, Югославии, Белорусской Советской Социалистической Республики, Панамы, Польши и Норвегии.

Для того чтобы ускорить работу Генеральной Ассамблеи, мне бы хотелось предложить, чтобы Генеральная Ассамблея согласилась прекратить запись желающих выступить сразу же после первого выступления.

Я прошу всех членов, желающих выступить по вопросу о Корею, записаться в Секретариате во время выступления представителя Китая. По окончании первого выступления я зачитаю список желающих выступить и с одобрения Генеральной Ассамблеи объявлю о прекращении записи.

Слово предоставляется представителю Китая.

Г-н ЧЖАН (Китай) (*говорит по-английски*): Рекомендации Первого комитета являются результатом длительного и всестороннего обсуждения в Комитете. На данной стадии обсуждения корейского вопроса для меня было бы совершенно неуместным вдаваться в те подробности, которые обсуждались в Комитете. Поэтому я ограничу себя изложением общих соображений, которыми руководствуется наше правительство и наша делегация в корейском вопросе.

Китай придает огромное значение объединению и независимости Кореи. По этой причине на Каирской конференции в 1943 году Китай предлагал, чтобы Объединенные Нации обещали Корею независимость.

По этой же причине мы пытались также убедить две оккупирующие державы предпринять эффективные меры для обеспечения независимости Кореи.

Каковы мотивы Китая? Каковы аргументы моего правительства? Имеет ли Китай какие-либо особые планы в отношении Кореи: политические, экономические, стратегические или идеологические?